

УДК 82.091

СЕВЕРО-ВОСТОК: РОССИЯ НА «ИМАГОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ» ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru

В статье исследуются французские литературные представления о России. Цель работы – определить место России на французской «имагологической карте», отраженной французской литературой XIX в. Анализ литературного материала позволяет сделать вывод о том, что на французской «имагологической карте» Россия размещалась за пределами Европы (в области чужого пространства), одновременно занимала Север и Восток и вмещала в себя узаконенные мифом и зачастую сплетенные в одно целое атрибуты северного и восточного цивилизационных типов. «Координаты» России на французской «имагологической карте» были подвижны – в зависимости от исторической конъюнктуры. В эпохи острого политического противостояния образ России более тяготел к Востоку и наполнялся традиционными для европейцев негативными представлениями об «азиатчине». Россия в таком качестве виделась как антипод и фатальный враг европейской цивилизации. В периоды относительной геополитической стабильности «имагологические координаты» России (особенно, в политическом дискурсе) «сместились» к Северу, что отчасти нивелировало цивилизационные противоречия. Французская литература XIX в. постоянно фиксировала культурное движение России к «имагологическим границам» Европы. Однако это было «бесконечное приближение» – по своей природе не способное устранить разницу и противоречия между *Своим* и *Чужим*.

Ключевые слова: имагология, национальный стереотип, имагологическая карта, ментальная карта, имагинативная география.

ВВЕДЕНИЕ

Представления о *Другом* исконно мифологичны. Это психологическая данность, которая обусловлена усвоенной на генетическом уровне моделью миропонимания, предполагающей разграничение пространства на *Свое* и *Чужое*. Разница в восприятии этих зон заключена и в эмоционально-ценностном измерении, и в объективно-аналитическом. *Свое* пространство – terra cognita – наполнено реалиями, рационально постижимо, потому легко поддается объективному географическому описанию. *Чужое* пространство – terra incognita – за недостатком точных данных заполняется традиционными образами, а потому постигается с позиций «матричного» [26, с. 74], архаичного «знания» и описывается с позиций «географического воображения» [22, с. 55].

Освоение мира рациональным сознанием способно «подчинять» объективной географии *Чужое* пространство, однако «коллективное бессознательное» противится этому, и *Чужое* пространство, отражаясь, скажем, в зеркале национальной литературы, продолжает сохранять черты мифологичности. «Воображаемая география» Нового времени продолжает определять восприятие человеком *Иных* стран и народов. Цель статьи – определить место России в картине мира, созданной французской литературой XIX в., которая оказывала зачастую решающее влияние на читательское сознание не только французского, но и шире – европейского читателя.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ «Имагологическая карта»

Насколько мы можем судить, в 2017 г. Л. А. Ходанен впервые применила термин «имагологическая карта». Он был использован как определение частного феномена – топоса в ориентальных травелогах [40, с. 269], однако представляется целесообразным расширить функциональность этого понятия.

В научном обороте широкое хождение имеет термин «ментальная карта». В рамках разных дисциплин термин зачастую «обрастает» периферийной семантикой, но в «ядерном» значении под ним понимается существующее в индивидуальном или коллективном сознании субъективированное отражение окружающего мира и его структурных элементов [44, с. 4–5]. По существу, речь идет о картографировании воображаемого или дополненного воображением пространства. Образы этого пространства формируются под воздействием не столько личных впечатлений и первоисточников, сколько переосмыслений мифологического, фольклорного, литературного характера. Зачастую подобные образы, прочно укрепившись в сознании, успешно конкурируют с точным знанием: оказываясь в реальном пространстве, носитель «готового» образа, прежде всего, начинает сличать реальность с этим образом, воспринимая любое несоответствие между «картинкой» и данностью в качестве случайной аномалии. Этот феномен может иметь весьма заметное влияние на масштабные социальные и даже геополитические процессы. А это, в свою очередь, стимулирует науку исследовать бытование субъективированных

образов пространства, по своей природе противопоставленных объективным знаниям. Э. В. Саид в книге «Ориентализм» (1978) предложил называть изучение воображаемых знаний о структуре пространства «имагинативной» [33, с. 78], то есть «воображаемой» географией (imaginative geography [51, с. 49]).

Имагинативная (имажинативная, или образная) география, исследуя формирование «географических образов», ныне занимает важное место среди прочих ответвлений социально-экономической географии [20, с. 26–27], но вместе с тем на некоторых уровнях пересекается с дисциплинами гуманитарного спектра: культурологией, искусствоведением, мифопоэтикой, литературоведением и проч.

Очевидно, что мы имеем дело с весьма нередкой ситуацией: научное направление получило то же название, что и интересующий его предмет – освоение мира посредством пространственных образов, синтезируемых воображением. Это само по себе способно создать некоторую терминологическую неопределенность, но ситуация усугубится, если в указанном контексте мы начнем толковать и термин «картографирование» без дополнительной конкретизации.

Имагинативной географией картографирование используется как один из основных методов [20, с. 27], который подразумевает систематизацию исследователем зафиксированных пространственных (географических) образов. И этот метод получил название образно-географического картографирования [20, с. 27]. Что же касается «ментальной картографии», то под этим определением гуманитарная наука понимает сам механизм моделирования коллективным (индивидуальным) сознанием картины мира (ее фрагментов) путем комбинирования рожденных воображением и подсказанных традицией пространственных образов. То есть речь идет об образном постижении пространства.

Как уже было сказано, это явление попадает в поле зрения ряда научных дисциплин и направлений. Для нас в данном контексте важно, что «ментальные карты» имеют ключевое значение для литературоведческой интерпретации имагологических феноменов, поскольку осознание *инаковости Другого* всегда связано с пространственным контекстом: *Другой* – всегда репрезентирует *чужое* пространство, а *чужое* пространство определяет *инаковость Другого*. И потому

всякая литературная интерпретация *Другого* обуславливается «координатами» *чужого* пространства на ментальной карте, сложившейся в сознании автора. Имагологию интересуют в ментальных картах определенный слой информации – отражающий границы между *своим* и *чужим* пространством и структуру *чужого* пространства, которое, как правило, является неоднородным. Исходя из сказанного, под дефиницией «имагологическая карта» следует понимать субъективированное, традиционно обусловленное представление о мире или его фрагменте, фиксирующее координаты объектов в системе пространственно-культурных координат и определяющее положение *чужого* пространства (периферии) в отношении к *своему* пространству (центру).

«Имагологическая карта» редко отражается в литературном произведении как завершенная целостность. Зачастую фрагменты этой карты «рассыпаны», подобно осколкам мозаики, по разным текстам, и требуют от исследователя систематизации, которая позволит реконструировать общее представление коллективного сознания, преломившееся в частных индивидуально-авторских решениях. Как уже было заявлено, цель нашей работы – осуществить подобную реконструкцию на материале французской литературы XIX в. и определить «координаты» России на французской «имагологической карте».

Россия – Восток

Закономерно, что в сознании французов Париж воспринимался в качестве «центра мира». Стендаль писал: «Париж – столица Европы. Все высшие классы, как в С.-Петербурге, так и в Вене, хотят не только говорить на его языке, но и усвоить его взгляды, его верования» [36, т. 7, с. 181]. О том же писал и Бальзак: «Париж является целью для всех. Каждый стремится сюда, имея на то свои собственные основания» [4, т. 23, с. 54]. «Центростремительная» [15, с. 5] сила Парижа в XIX в. действительно ощущалась всею Европой, в том числе и Россией [30, с. 260–266]. Достаточно вспомнить ставшие «крылатыми» строки шуточной поэмы И. И. Дмитриева «Путешествие N. N. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия» (1804–1805):

*Друзья! сестрицы! Я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!* [14, с. 248].

На «имагологической карте» французов вокруг Парижа простиралось обжитое, *свое* пространство – Франция. За пределами Франции находилась Европа – уже не вполне *свое*, но все же хорошо известное пространство, не раз виденное собственными глазами, описанное в литературе, исхоженное во время военных походов. За пределами Европы уходили вдаль пространства, исследованные слабо, внушающие опасения, населенные *другими* народами – *чужие* пространства. Россия – одна из областей этого *чужого* пространства, изначально воспринимаемого как зона аномалии. Этим и продиктовано появление формулы – «В России ничего не делается, как в других странах» [18, с. 208], – вербализированной А. Дюма и бытовавшей в коллективном сознании французов.

«Координаты» России на французской имагологической карте могли корректироваться в зависимости от исторических факторов. В эпоху Наполеоновских войн образ России во многом формировался силами официальной французской пропаганды. В преддверие войны, как отмечает Е. М. Земцов, создавался «образ врага» – «в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [21, с. 184]. Ассоциации с «ордой», безусловно, диктовались не столько недавними историческими прецедентами вроде участия башкир и калмыков в европейских походах российской армии [32], сколько стремлением «увязать» образ России с уходящими в глубь столетий представлениями об «азиатском варварстве», изобразив русских «потомками монголо-татар» [10, с. 275].

Легко понять, что во время Московского похода подготовленные пропагандой французские военные искали в России, прежде всего, приметы «азиатчины»; они (по примеру многих европейских путешественников по России [3, с. 7]) не столько открывали новую для себя реальность, сколько «узнавали» в ней мифологизированные образы. Скажем, французский офицер Э. Лабом, так запечатлел в своих записках захваченную русскую столицу: «<...> Большие террасы у дворцов, обелиски у городских ворот и высокие колокольни на манер минаретов – все это напоминало, да и на самом деле представляло из себя картину одного из

знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов» [38, с. 262]. Сходное впечатление вид Москвы произвел на Ц. Ложье, также французского военного: «Мы не устаем смотреть на огромный город с его разнообразными причудливыми формами, с куполами, крытыми свинцом или аспидом; дворцы с цветущими террасами, островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии» [38, с. 269].

Москва рождала азиатские ассоциации и в позднейшие эпохи. Не бывавший в России В. Гюго, называл, тем не менее, «профиль Кремля» «азиатским» [13, т. 14, с. 202]. Сама московская история виделась как продолжение азиатской и мифологизировалась в соответствующем ключе. «При наследниках Чингисхана, – выстраивал красочную метафору А. де Кюстин, – Азия в последний раз ринулась на Европу; отступая, она топнула ногой – и на земле появился Кремль! [23, с. 397–398]

Внешне все эти азиатские «реплики» могут выглядеть как дань эстетике «восточного колорита», однако в глубинном значении они восходят к укорененным в европейском сознании дихотомиям «цивилизация/варварство» и «свобода/деспотизм». При этом следует учитывать, что эти дихотомии существовали в наложении одна на другую.

Д. В. Возчиков справедливо замечает, что уже в «Персах» Эсхила «дихотомии “эллины – варвары” отчетливо соответствует дихотомия “свобода – деспотизм”» [8, с. 55]. Европейское сознание унаследовало это тождество «оппозиций» с той разницей, что на европейской «имагологической карте» пространство «цивилизации» и «свободы» разместилось на территории Европы, а пространство «варварства» и «деспотизма» – на Востоке (в Азии и Северной Африке). То есть культурно-ценностными полюсами на этой карте оказываются «развитый Запад» и «варварский Восток» [2, с. 107].

Всякое обострение отношений между Францией и Россией реанимировало во французском обществе «метафоры, изображающие русских как варваров-кочевников <...>, разбивающих свои шатры на окраинах Европы» [27, с. 130]. Объяснимо, что особую актуальность эти метафоры приобрели в период пребывания русских войск в

Париже. Ж. де Сталь – искренняя поклонница России и столь же искренняя противница Наполеона – всё же крайне болезненно реагировала в 1814 г. на присутствие «варваров-кочевников» в ее родных пределах: «Приближаясь к Парижу, – признавалась она, – я со всех сторон видела немцев, русских, казаков и башкиров: они расположились лагерем вокруг собора Saint Denis, где покоится прах наших королей... Видеть Париж, занятым ими, Тюильри и Лувр, охраняемыми воинством, пришедшим из пределов Азии, для которого наш язык, наша история, наши великие люди менее знакомы, чем последний татарский хан, было невыносимо больно» [16, с. 228].

Образ «варвара» прочно привязывал Россию к Востоку и актуализировал дихотомию «свобода/деспотизм»: Россия виделась деспотической уже в силу традиционных европейских представлений о Востоке. Оставалось лишь подтвердить эти представления «фактами».

Так, аббат Жорель, посетивший Россию при Павле I, составил следующее заключение: «Образ правления в России нельзя сравнить ни с каким европейским, он совершенно азиатский, то есть воля императора – высший закон» [5, с. 462]. Пройдет более полувека, и в 1860-е годы в трактате «Вильям Шекспир» В. Гюго будет развивать подобную мысль уже безо всякой опоры на личные впечатления. «Факты оттоманской и московской истории, – будет утверждать он, – <...> представляют тождество с татарской. В Москве такая же мрачная азиатчина, как и в Стамбуле. Над одной царит Иван, над вторым – Мустафа. Разница между таким христианством и мусульманством едва заметна. Поп недалеко ушел от муллы, боярин от паши, кнут от шелкового шnurка, а мужик – от немого» [13, т. 14, с. 388].

Очевидно, что для Гюго «мрачная азиатчина», Стамбул и Москва локализовались в одной и той же области «имагологической карты» – на Востоке. Под «татарской историей» же следует понимать историю восточных народов, поскольку в творчестве Гюго этноним «татары» используется как общее название восточных народов [28, с. 250-252]. Это очень характерно для Франции XVIII–XIX в.: зачастую татарами называли или все народы России, или азиатское население России. В ходу даже был каламбур, основанный на созвучии во французском языке

слов «татарин» и «Тартар» (Tartare) [41, с. 66]: «Гнаться за славой до самого Тартара» [11, с. 335]. Так или иначе, но приходится согласиться с К. Корбе, по мнению которого, «Россия, согласно Виктору Гюго, – это Азия, это варварство, это деспотизм» [48, р. 187].

Имагологический миф всегда амбивалентен: не меняя содержания, он легко меняет ценностную полярность; «варавар-чужой», вызывающий отторжение и ужас, способен, оставаясь все тем же «варваром-чужим», вызывать любопытство и восхищение. Подобная расщепленность восприятия в полной мере реализовалась во французском видении России [29, с. 53–60] и Востока. Совсем неудивительно, что Виктору Гюго территория «мрачной азиатчины» дарила красочные сюжеты для «Ориенталий», где, по меткому определению Г. Брандеса, «султаны и муфтии, дервиши и халифы, гетманы и клефты – прельщающие слова в его ушах, и привлекательные картины для его глаз» [6, с. 79]. Точно так же Стендаль, часто предупреждавший об угрожающем цивилизации «нашествии казаков», обнаруживал на родине этих «казаков» характеры, пленявшие его именно своей нетронутостью цивилизацией: лучший пример тому – главная героиня романа «Арманс» (1827) – уроженка Севастополя русская девушка Арманс Зоилова.

«Восточная нецивилизованность» зачастую воспринималась как позитивная альтернатива французским нравам. Посетившая Россию Ж. де Сталь делилась впечатлениями о русских: «Они, подобно людям Востока, выказывают необычайное гостеприимство иностранцу; его осыпают подарками, а сами часто пренебрегают удобствами личной жизни» [35, с. 27]. Неприхотливость и выносливость русских также стали неизменными элементами мифа о России. Именно поэтому, скажем, Бальзак, хоть и не имел возможности наблюдать русских в военных походах, все же сравнивал их выносливость с выносливостью арабов [4, т. 18, с. 30].

Даже деспотизм мог приобретать в глазах французских литераторов некое обаяние. Так, Стендаль готов был находить позитивное начало в крепостном праве. «Русский деспотизм, принимаемый крестьянами почти добровольно, – утверждал он в «История живописи в Италии», – совсем не принизил народ духовно» [36, т. 6, с. 225]. «Архитектура, – писал он в «Прогулках по Риму», – будет все более

и более невозможной всюду, кроме России, где царь может заставить десять тысяч рабов построить какой-нибудь памятник» [36, т. 10, с. 397].

Заметим, что русское литературное сознание в отношении «восточности» России было настроено вовсе иначе, нежели французское. Русская литература первой половины XIX в. формировала свое собственное представление о «русском Востоке». Своим востоком был, во-первых, Крым с его бывшей ханской столицей Бахчисараем, метафорически отраженным в литературе как «русская Альгамбра» [31, с. 259–260]. А во-вторых, – Кавказ, где русский персонаж оказывался «в контакте с чужой культурой», воспринимал и отчасти перенимал восточную ментальность [46]. Во второй половине XIX в. в связи с присоединением обширных азиатских регионов «“кавказская” и “восточная” тема перестали восприниматься как тождественные» [45, с. 131] – свой Восток сместился с Кавказа в Среднюю Азию.

Россия – Север

Любопытную характеристику той «области», которую на французской «имагологической карте» занимала Россия, дает роман Ж. Верна «Михаил Строгов» (1875). Сюжет романа – приключения царского гонца на пути от Москвы до Иркутска. Автор конструирует «исторический» антураж: на Сибирь нападает правитель Бухары – «татарский» хан Феофар, поддержанный «всеми прочими ордами Центральной Азии» [7, с. 24–25]. То есть читателю предлагалось поверить, что, во-первых, в XIX в. Бухарой правит татарский хан (!), во-вторых, что этот хан легко способен добраться с армией кочевников от Бухары до Иркутска, словно дистанция между этими городами не составляет нескольких тысяч километров. И что важно, европейский читатель не увидел никаких нарушений географической логики, роман стал одним из самых популярных произведений Ж. Верна и в первый же год был переведен на 10 языков [24, с. 446]. Это произошло потому, что на французской «имагологической карте» Россия находилась, как бы парадоксально это ни звучало, одновременно и на Востоке, и на Севере, а потому «бухарские ханы» соседствовали с «сибирскими морозами». Сибирь становилась воплощением России так же, как и «дикие орды». Н. В. Шелгунов отмечал, что в середине XIX в.: «в Европе никто не

сомневался, что в Петербурге и в Москве ходят по улицам медведи и что сейчас же за Эйдкуненом начинается Сибирь» [43, с. 102].

Конечно, северная «прописка» России во многом объяснялась объективными причинами. В России действительно холоднее, чем во Франции. Вольтер некогда писал полужутя Екатерине II: «Если бы этот великий человек, Петр Великий, основал жилище свое в лучшем климате, нежели как у Ладожского озера, если б он выбрал <...> какую-нибудь страну, которая ближе к полудню, то мне кажется, что я – несмотря на старость свою – был бы теперь у ног ваших. <...> Сердце мое, как магнит, обращается к Северу» [19, с. 17].

Рассказы путешественников рождали преувеличенное представление о русских холодах. Стендаль, как известно, участвовал в Московском походе Наполеона, и его письма свидетельствуют, что французы, оказавшись в пределах России, находились в предчувствии «сюрпризов» русского климата еще до наступления настоящих холодов. В письме от 9 ноября 1812 г. Стендаль оставил любопытное наблюдение: «Мороз легкий, два или три градуса, но так как мы в России, каждый убежден, что он замерзнет» [276, т. 15, с. 126]. После губительного отступления из России во французской литературе почти всякое упоминание о Московском походе ассоциативно связывалось с морозами. В. Гюго писа, что в России французскую армию встретили «два недруга»: «царь и север», причем «север» оказался «страшнее» (*Deux ennemis! Le Czar, le Nord. Le Nord est pire*) [49, p. 168]. Тот же Стендаль, оказавшись после «русской кампании» в Париже, жаловался сестре: «Я очень устал, но не болен. Я ощущаю внутренний холод. Я пью по две или по три бутылки великолепного вина, пью пунш, кофе – ничего не помогает; я всегда голоден и мерзну» [36, т. 15, с. 137]. Уже в 1817 г. в книге «Рим, Неаполь и Флоренция» он признавался: «Со времен московского похода вид снега не доставляет мне никакого удовольствия» [36, т. 9, с. 9]. Словом, ни Стендаля, ни его соратников, скорее всего, не смогли бы тронуть строки стихотворения И. Мятлева «Русский снег в Париже» (1841): «Здорово, русский снег, здорово! // Спасибо, что ты здесь напал <...>» [25, с. 11]. Впрочем, чем дальше в историю уходили воспоминания о бегстве французской армии из Москвы и чем большую роль в формировании образа России

начинала играть русская литература, тем сильнее проявлялась тенденция к поэтизации русских холодов. Так, Флобер признавался И. С. Тургеневу: «<...> Ваши “Сцены из русской жизни” вызывают у меня желание трястись в телеге среди заснеженных полей, под вой волков» [37, с. 21].

Однако, возвращаясь к французской литературной рецепции Московского похода, важно отметить, что объективные обстоятельства зачастую находили субъективированное и мифологизированное объяснение. В романе Бальзака «Сельский врач» (1833) есть сцена, в которой французский крестьянин – ветеран похода на Москву – делится воспоминаниями об ужасах отступления и русских холодах, и знаменательно, какое объяснение он находит для причин войны между Францией и Россией: «Попробовали мы покорить русских, отогнать за их же пределы, чтобы они нас не съели, уж такая привычка у Севера, лакомого до Юга, об этом я сам от кое от кого из генералов слышал» [4, т. 17, с. 154]. На уровне простонародного сознания противостояние России и Европы видится как универсальная, мифологическая дихотомия: благословенный Юг противостоит суровому Северу.

Если обратиться к ментальной карте античности, то на ней, по убеждению В. Б. Шенка, «Север считался родиной нецивилизованных варваров, пристанищем чего-то “иного”, от чего Юг, как оплот культуры, отграничивался» [44, с. 9]. Подобное цивилизационное противостояние Севера и Юга с новой силой актуализировалось в эпоху Ренессанса, когда итальянские города-государства превратились в культурные центры Европы [Вульф, с. 35]. Эпоха Просвещения сместила культурный центр в Западную Европу и основала свою идеологию, прежде всего, на цивилизационном противопоставлении Востока и Запада [9, с. 35]. Однако дихотомия «Север/Юг» не вовсе канула в лету. Она продолжала существовать синхронно с дихотомией «Запад/Восток» и имела существенные отличия от нее. Если Восток воспринимался как полная противоположность Западу и область во всех отношениях *чужая*, то Север виделся *иным* нежели Юг, но все же во многом понятным и *своим*. Север составляли страны, либо входившие в «цивилизованную» «европейскую семью», либо приблизившиеся к ней, а потому имеющие право

претендовать на свой голос в «европейском хоре». «Северная» Россия оказывалась в ряду *своих* для Европы государств, скажем, как Швеция или Норвегия.

Если говорить о политическом дискурсе XIX в., то в относительно спокойные периоды истории Россия, как правило, фигурировала в нем в качестве «северной державы» («северного колосса»). И эта позиция на «имагологической карте» была компромиссной для всех сторон. Вольтер в переписке называл Екатерину II «Северной Звездой» (а не Восточной или Азиатской). Российские монаршие особы, в свою очередь, готовы были подчеркивать свое «северное» происхождение (но не «восточное»). Так, Павел I и его супруга, путешествуя в 1782–1783 гг. по Европе, официально именовали себя графом и графиней Северными [39, с. 94].

На «имагологической карте» Россия настолько прочно была привязана к Северу, что могла менять «ментальные координаты» областей вовсе не северных. По наблюдению Н. И. Храпунова, после присоединения Крыма к России полуостров на европейской «карте цивилизации» «виртуально сместился к северу» [42, с. 82–83]. Подобную миграцию по ментальной карте совершила и Польша. Вот, например, в каких словах П. Мериме обращался к одной из своих польских знакомых: «Вы иные – женщины Севера, должно быть, ваша кровь и кожа созданы иначе, чем у нас. Я полагаю, <...> что в ваших саях колоссальное количество медвежьих шкур и что они оставляют на виду от всей вашей персоны только кончик носа» [50, р. 62].

Унаследовав от эпохи Просвещения интерес к «климатическим национальным типам», французская литература зачастую была склонна рассматривать русский темперамент именно в «северном», а не в «восточном» контексте. Весьма последовательно развивал эту идею Стендаль, воспринимавший русский темперамент как воплощение «северного типа». «Южанин при физическом бездействии все время придает размышлениям, – писал Стендаль в “Истории живописи в Италии”. – <...> Укол булавки для него мучительнее, чем сабельный удар для северянина. <...> Отсюда повышенная религиозность и любовь. Природа Северу дала силу, югу – ум» [36, т. 6. с. 243]. Заметно, что после отступления из Москвы мнение писателя о русских холодах было несколько гиперболизировано. «Сильные морозы, – делился он с читателями, – причиной тому, что в Петербурге и едят и

бегают больше, чем в Неаполе. Сам русский государь, в своем дворце над Невой, будучи непрестанно занят передвижением или телесными потребностями, лишь немногие минуты может уделять мысли» [36, т. 6, с. 243]. Можно лишь догадываться, какое представление о русском климате складывалось у читателей Стендаля, никогда не бывавших в России и с доверием воспринимавших слова писателя, который ходил с Наполеоном на Москву.

К ряду подобных «открытий», пожалуй, можно отнести и наблюдения графа Монте-Кристо, который полагал, будто «холодный и лимфатический темперамент северян меньше подвержен действию яда, чем пылкая и энергичная природа южан», и утверждал даже, что на его глазах «русские поглощали без всякого вреда для здоровья растительные вещества, которые неминуемо убили бы неаполитанца или араба» [17, с. 628].

Итак, на французской «имагологической карте» Россия занимала огромные пространства на Севере и Востоке. Однако остается вопрос, насколько далеко располагалась Россия от границ Франции.

С начала XVIII в. путешественники рассказывали о проевропейских изменениях, происходивших в России. К концу XVIII в. Европа привыкла к европейском «дрейфу» России. Л.-Ф.Сегюр, живший в России в 1785–1789 гг., отмечал: «С полвека уже все привыкли подражать иностранцам – одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы» [34, с. 32].

В 1812 г. французы обнаружили в московских дворцах библиотеки и уникальные собрания произведений искусства, свидетельствовавшие о европейском уровне интересов и культурных запросов, свойственных русской аристократии. Это «приближало» Россию к границам Франции.

В 1826 г. А. Ансело, наблюдая российское общество, отмечал, что русские могут владеть несколькими языками и быть в курсе европейской литературы, а в русских дамах обнаруживал «разностороннее образование в сочетании с исключительной остротой ума» [47, р. 67].

Стендаль, близко знавший Ансело и читавший его книгу о России, через десять лет включил аналогичную информацию о России в «Записки туриста» как весьма новую и примечательную: «В России много умных людей <...>. Самолюбие русского аристократа страдает еще оттого, что он не может ездить в Париж и что каждая ничтожная французская газета обзывает его варваром. <...> Россия поглощает три четверти французских книг, выпускаемых бельгийскими контрафакторами, и я знаю двадцать русских молодых людей, которые больше, чем вы, в курсе всех изданий, вышедших в Париже за последние десять лет» [36, т. 12, с. 330].

В 1859 г. схожее «открытие» делает А. Дюма: «В России <...> женщины <...>, превосходно зная французский язык, читают почти все, что публикуется во Франции. <...> Судя по платьям, по книгам, которые они читают, по спектаклям, по музыке, женщины здесь отстают от Франции не более чем на месяц-два» [18, с. 149, 247].

В том же году в России посетил Т. Готье и... в который раз сделал «открытие»: «Я удивился, что здесь были в курсе всех малейших подробностей нашей литературной жизни. Русские много читают, и какого-нибудь малоизвестного во Франции автора здешние читатели прекрасно знают» [12, с. 111].

То есть проходили десятилетия, а французские литераторы все снова и снова «открывали» близость России к культурным границам Франции, и все же Россия не становилась для них *своей*. Стремящаяся к Франции и Европе Россия воспринималась как подобие физической частицы, имеющей возможность сколь угодно близко приблизиться к скорости света, но не способной достичь ее.

ВЫВОДЫ

Формируя «дискурс самоопределения» [1, с. 3], русская литература закрепила пограничное место России на отечественной «имагологической карте»: «русское пограничье» воспринималось либо как «щит» для Европы, либо как зона продуктивного взаимодействия Европы и Азии, культурного симбиоза Запада и Востока. Однако на французской (шире – на европейской) «имагологической карте» Россия располагалась не на границе, а за пределами Запада. При этом происходила «контаминация» имагологических смыслов: на воображаемой карте французов

«огромность» России одновременно занимала и Север, и Восток и вмещала в себя узаконенные мифом и зачастую сплетенные в одно целое атрибуты северного и восточного цивилизационных типов.

«Координаты» России на французской «имагологической карте» были подвижны – в зависимости от исторической конъюнктуры. В эпохи острого политического противостояния образ России более тяготел к Востоку и наполнялся традиционными для европейцев негативными представлениями об «азиатчине». Россия в таком качестве виделась как антипод и фатальный враг европейской цивилизации. В периоды относительной геополитической стабильности «имагологические координаты» России (особенно, в политическом дискурсе) «сместились» к Северу, что отчасти нивелировало цивилизационные противоречия.

Французская литература XIX в. постоянно фиксировала культурное движение России к «имагологическим границам» Европы. Однако это было «бесконечное приближение» – по своей природе не способное устранить разницу и противоречия между *Своим* и *Чужим*. И как русская литература той поры стремилась сделать многое французское *своим*, так французская литература, даже порой поэтизируя Россию, искала в России, прежде всего, *инаковость*, отражала, прежде всего, *чуждость*.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма [Текст]: автореф дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / П. В. Алексеев. – Томск, 2015. – 39 с.
2. Алексеев П. В. Ф. М. Достоевский и Восток [Текст] / П. В. Алексеев. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. – 152 с.
3. Анисимов К. В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) [Текст] / К. В. Анисимов // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 1. – С. 5–21.
4. Бальзак О. де. Собр. соч.: В 24-х т. [Текст] / О. де Бальзак. – М.: Огонек, 1960. – Т. 17, 18, 23.

5. Безобразов П. В. О сношениях России с Францией [Текст] / П. В. Безобразов. – М.: Унив. тип., 1892. – 465 с.
6. Брандес Г. Литература XIX века в ее главных течениях. Романтическая школа [Текст] / Г. Брандес. – СПб., 1895. – 391 с.
7. Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. [Текст] / Ж. Верн. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – 457 с.
8. Возчиков Д. В. Образ Востока в средневековой европейской культуре: учеб. пособие [Текст] / Д. В. Возчиков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 267 с.
9. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения [Текст] / Л. Вульф. – М.: НЛЮ, 2003. – 560 с.
10. Гнесь А. А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира [Текст] / А. А. Гнесь // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 2. – Ч. 2. – С. 272–283.
11. Голицын Н. И. И. Шувалов и его иностранные корреспонденты [Текст] / Н. Голицын // Литературное наследство. – Т. 29–30. – М.: Наука, 1937. – С. 259–337.
12. Готье Т. Путешествие в Россию [Текст] / Т. Готье. – М.: Мысль, 1988. – 396 с.
13. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
14. Дмитриев И. И. Сочинения [Текст] / И. И. Дмитриев. – М.: Правда, 1986. – 589 с.
15. Дмитриева Е. Е. «Франция – это циклоп, единственный глаз которого – Париж» [Текст] / Е. Е. Дмитриева // Иностранная литература. – 2020. – № 3. – С. 5–13.
16. Дурьлин С. [Н.] Г-жа де Сталь и ее русские отношения [Текст] / С. Дурьлин // Литературное наследство. – М.: Наука, 1939. – Т. 33–34. – С. 215–331.
17. Дюма А. Граф Монте-Кристо. В 2-х т. [Текст] / А. Дюма. – М.: Правда, 1983. – Т. 1. – 704 с.
18. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч.: В 3-х т. [Текст] / А. Дюма. – М.: Ладомир, 1993. – Т. 3. – 640 с.

19. Екатерина II Великая, Вольтер. Переписка Российской императрицы Екатерины второй с г. Вольтером, с 1763 по 1778 год [Текст] / Екатерина II Великая, Вольтер. – М.: Вольная тип. Гария и К°, 1803. – Ч. 1. – 171 с.
20. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук [Текст] / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 26–50.
21. Земцов В. Н. Россия глазами Наполеона [Текст] / В. Н. Земцов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 181–186.
22. Калуцков В. Н. О ментальных картах, terra incognita и географической картине мира [Текст] / В. Н. Калуцков // Псковский регионологический журнал. – 2017. – № 4 (32). – С. 54–67.
23. Кюстин А. де. Россия в 1839 году [Текст] / А. де Кюстин. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
24. Москвин А. Г. Фантазии в историко-географическом пространстве [Текст] / А. Г. Москвин // Верн Ж. Полное собрание сочинений. В 26 т. – Т. 19. Михаил Строгов. Возвращение на родину. Романы. – М.: Ладомир, 1997. – С. 445–456.
25. Мятлев И. Русский снег в Париже [Текст] / И. П. Мятлев // Русский вестник. – 1841. – Т. 1. – С. 11.
26. Новикова М. А. Сверхтексты в литературе: жанры и циклы (К постановке проблемы) [Текст] / М. А. Новикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 72–84.
27. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей [Текст] / И. Нойманн. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
28. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
29. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2008. – 200 с.

30. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
31. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Вып. 1. – Псков: ПГУ, 2015. – С. 258–265.
32. Рахимов Р. Н. Западные мифы о народах России: от «диких башкир» к «полуазиатским ордам» [Текст] / Р. Н. Рахимов // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 6 (27). – С. 190–206.
33. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Э. В. Саид. – СПб.: Русский Мирь, 2006. – 637 с.
34. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в Царствование Екатерины II (1785–1789) [Текст] / Л.-Ф. Сегюр. – СПб., 1865. – 386 с.
35. Сталь Ж. де. 1812 год. Баронесса де Сталь в России [Текст] / Ж. де Сталь // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 19–64.
36. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. [Текст] / Стендаль. – М.: Правда, 1959.
37. Флобер Г. О литературе, искусстве, писательском труде: Письма; Статьи. В 2-х т. [Текст] / Г. Флобер. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 503 с.
38. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: [сборник]: в 3 ч. [Текст] / сост. А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М.: ГПИБР, 2012. – Ч. 1–2. – 736 с.
39. Хаванова О. В. Пребывание цесаревича Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного монарха [Текст] / О. В. Хаванова // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 94–109.
40. Ходанен Л. А. Русские и Кавказ в творчестве М. Ю. Лермонтова [Текст] / Л. А. Ходанен // М. Ю. Лермонтов и его время в мировой науке и культуре: материалы Международной научной лермонтовской конференции. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2017. – С. 266–275.

41. Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев [Текст] / Н. И. Храпунов // Новое прошлое – The New Past. – 2018. – № 1. – С. 63–78.
42. Храпунов Н. И. Крым между Западом и Востоком в записках британских путешественников конца XVIII – начала XIX в. [Текст] / Н. И. Храпунов // Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 81–100.
43. Шелгунов Н. В. Воспоминания [Текст] / Н. В. Шелгунов // Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания: В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 1. – С. 49–324.
44. Шенк Б. Ш. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи просвещения до наших дней [Текст] / Ф. Б. Шенк // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2001. – Вып. 4. – С. 4–17.
45. Юхнова И. С. Восточный мир и «восточные странствия» героев в современной отечественной прозе (трансформация классического сюжета) [Текст] / И. С. Юхнова // «Свое» и «чужое» в культуре: Материалы XI Международной научной конференции. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. – С. 130–132.
46. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17118>. – (Дата обращения: 7.12.2020).
47. Ancelot J.-A. Six mois en Russie: lettres écrites à M. X.-B. Saintines en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur. – Paris: Dondey-Dupré et fils, 1827. – 426 p.
48. Corbet C. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). – Paris: Didier, 1967. – 489 p.
49. Hugo V. Les Châtiments. – Paris: J. Hetzel et Cie, 1970. – 328 p.
50. Mérimée P. Lettres à une autre inconnue. – Paris, 1875. – 233 p.
51. Said E. W. Orientalism. – London: Penguin, 2003. – 396 p.

References

1. Alekseev P. V. *Vostok i Vostochnyj Tekst Russkoj Literatury Pervoj Poloviny XIX Veka: Konceptosfera Russkogo Orientalizma: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The East and the Eastern Text of Russian Literature of the First Half of the 19th Century: the Concept Sphere of Russian Orientalism]. Tomsk, 2015.
2. Alekseev P. V. *F. M. Dostoevskij i Vostok* [Dostoevsky and the East]. Gorno-Altaysk: BITS GAGU Publ., 2017. 152 p.
3. Anisimov K. V. *Vostochnyj Travelog Russkoj Literatury XIX v.: «Voobrazhenie» Imperskih Okrain i Pojetika Povestvovanija (Predvaritel'nye Zamechanija)* [Eastern Travelogue of Russian Literature of the 19th Century: “Imagination” of Imperial Outskirts and Poetics of Narration (Preliminary Remarks)]. *Imagologija i Komparativistika*. 2014, no 1. pp. 5–21.
4. Bal'zak O. de. *Sobr. Soch.: V 24-h t.* [Collected Works in 24 Volumes]. Moscow: Ogonek Publ., 1960, v. 17, 18, 23.
5. Bezobrazov P. V. *O Snoshenijah Rossii s Franciej* [About Relations between Russia and France]. – Moscow: Universitetskaja Tipografija Publ., 1892. 465 p.
6. Brandes G. *Literatura XIX Veka v ee Glavnyh Techenijah. Romanticheskaja Shkola* [Literature of the 19th Century in its main Trends. Romantic Direction]. St. Petersburg, 1895. 391 p.
7. Vern Zh. *Polnoe Sobranie Sochinenii. V 26 t.* [Complete Works in 26 Volumes]. Moscow: Lodomir Publ., 1997, v. 19. 457 p.
8. Vozchikov D. V. *Obraz Vostoka v Srednevekovoj Evropejskoj Kul'ture: Ucheb. Posobie* [The Image of the East in Medieval European Culture: Textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skij Universitet Publ., 2020. 267 p.
9. Vul'f L. *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment]. Moscow: NLO Publ., 2003. 560 p.

10. Gnes' A. A. *Imagologija: Otdavaja Dolzhnoe Podsoznatel'nym Obrazam Cheloveka i Mira* [Imagology: Paying Tribute to the Subconscious Images of Man and the World]. *Idei i idealy*. 2019, vol. 11, no. 2, part 2. pp. 272–283.
11. Golicyn N. I. *I. Shuvalov i ego Inostrannye Korrespondenty* [Shuvalov and his Foreign Correspondents]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1937, vol. 29–30, pp. 259–337.
12. Got'e T. *Puteshestvie v Rossiju* [Travel to Russia]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 396 p.
13. Gjugo V. *Sobr. Soch.: V 15 t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1953–1956, v. 14. 766 p.
14. Dmitriev I. I. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Pravda Publ., 1986. 589 p.
15. Dmitrieva E. E. «*Francija – jeto Ciklop, Edinstvennyj Glaz Kotorogo – Parizh*» ["France is a Cyclops, whose only Eye is Paris"]. *Inostrannaja literatura*, 2020, no 3, pp. 5–13.
16. Durylin S. [N.] *G-zha de Stal' i ee Russkie Otnoshenija* [Madame de Stael and her Russian Relations]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Mysl' Publ., 193, vol. 33–34, pp. 215–331.
17. Djuma A. *Graf Monte-Kristo. V 2-h t.* [Count of Monte Cristo. In 2 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1983, vol. 1. 704 p.
18. Djuma A. *Putevye Vpechatlenija. V Rossii. Soch.: V 3-h t.* [Travel Impressions. In Russia. Composition in 3 Volumes]. Moscow: Ladomir Publ., 1993, vol. 3. 640 p.
19. Ekaterina II Velikaja & Vol'ter. *Perepiska Rossijskoj Imperatricy Ekateriny vtoroj s g. Vol'terom, s 1763 po 1778 God* [Correspondence of the Russian Empress Catherine II with Mr. Voltaire from 1763 to 1778]. Moscow: Vol'naja Tipografija Garija i K° Publ., 1803, vol. 1. 171 p.
20. Zamjatin D. N. *Gumanitarnaja Geografija: Prostranstvo, Voobrazhenie i Vzaimodejstvie Sovremennyh Gumanitarnyh Nauk* [Humanitarian Geography: Space, Imagination and Interaction of Modern Humanities]. *Sociologicheskoe Obozrenie*, 2010, vol. 9, no 3, pp. 26–50.
21. Zemcov V. N. *Rossija Glazami Napoleona* [Russia through the Eyes of Napoleon]. *Politicheskaja lingvistika*, 2016, no 4 (58), pp. 181–186.

22. Kaluckov V. N. *O Mental'nyh Kartah, Terra Incognita i Geograficheskoy Kartine Mira* [About Mental Maps, Terra Incognita and the Geographical Picture of the World]. *Pskovskij Regionologicheskij Zhurnal*. 2017, no 4 (32), pp. 54–67.
23. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 Godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg: Kriga Publ., 2008. 704 p.
24. Moskvina A. G. *Fantazii v Istoriko-Geograficheskom Prostranstve* [Fantasies in the Historical-Geographical Space]. *Vern Zh. Polnoe Sobranie Sochinenii. V 26 T.* Moscow: Ladimir Publ., 1997, v. 19, pp. 445–456.
25. Mjatljev I. *Russkij Sneg v Parizhe* [Russian Snow in Paris]. *Russkij vestnik*, 1841, vol. 1, pp. 11.
26. Novikova M. A. *Sverhteksty v Literature: Zhanry i Cikly (K Postanovke Problemy)* [Supertexts in Literature: Genres and Cycles (To the Problem Statement)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no 4, pp. 72–84.
27. Nojmann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v Formirovanii Evropejskikh Identichnostej* [Using the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 336 p.
28. Orehov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol; Nizhny Novgorod: Raster Publ., 2017. 579 p.
29. Orehov V. V. *Mif o Rossii vo Francuzskoj Literature Pervoj Poloviny XIX Veka* [The Myth of Russia in French Literature of the first Half of the 19th Century]. Simferopol: SGT Publ., 2008. 200 p.
30. Orekhov V. V. *Russkaja Literatura i Nacional'nyj Imidzh (Imagologicheskij Diskurs v Russko-Francuzskom Literaturnom Dialoge Pervoj Poloviny XIX v.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
31. Orehova L. A. *«Bahchisarajskij Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvij po Krymu: Problemy Interpretacii* [“The Fountain of Bakhchisarai” by A. Pushkin in the Literature of Travel in Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo*

-
- Gosudarstvennogo Universiteta. Serija "Social'no-gumanitarnye Nauki"*, 2015, no 1, pp. 258–265.
32. Rahimov R. N. *Zapadnye Mify o Narodah Rossii: ot «Dikih Bashkir» k «Poluaziatskim Ordam»* [Western Myths about the Peoples of Russia: from “Wild Bashkirs” to “semi-Asian Hordes”]. *Problemy Nacional'noj Strategii*, 2014, no 6 (27), pp. 190–206.
33. Said Je. V. *Orientalizm. Zapadnye Koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. St. Petersburg: Russkij Mir Publ., 2006. 637 p.
34. Segjur L.-F. *Zapiski Grafa Segjura o Prebyvanii ego v Rossii v Carstvovanie Ekateriny II (1785–1789)* [Notes of Count Segur on his Stay in Russia during the Reign of Catherine II (1785–1789)]. St. Petersburg, 1865. 386 p.
35. Stal' Zh. de. *1812 God. Baronessa de Stal' v Rossii* [1812. Baroness de Stael in Russia]. *Rossija pervoj Poloviny XIX v. Glazami Inostrancev*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1991, pp. 19–64.
36. Stendal'. *Sobr. Soch.: V 15-ti t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Pravda Publ., 1959.
37. Flober G. *O Literature, Iskusstve, Pisatel'skom Trude: Pis'ma; Stat'i. V 2-h t.* [About Literature, Art, Writing: Letters; Articles. In 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ., 1984, vol. 2. 503 p.
38. *Francuzy v Rossii: 1812 God po Vospominanijam Sovremennikov-Inostrancev: Sbornik: V 3 ch.* [The French in Russia: 1812 According to the Memoirs of Contemporaries-Foreigners: Collection in 3 Volumes]. Moscow: GPIBR Publ., 2012, vol. 1–2. 736 p.
39. Havanova O. V. *Prebyvanie Cesarevicha Pavla Petrovicha v Vene v 1781–1782 gg.: «Umnoe» Puteshestvie Prosveshhennogo Monarha* [Stay of Tsarevich Pavel Petrovich in Vienna in 1781–1782: “Intellectual” Journey of the Enlightened Vonarch]. *Romanovy v Doroge. Puteshestvija i Poezdki Chlenov Carskoj Sem'i po Rossii i za Granicu: Sb. Statej*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2016, pp. 94–109.
40. Hodanen L. A. *Russkie i Kavkaz v Tvorchestve M. Ju. Lermontova* [Russians and the Caucasus in the Work of Mikhail Lermontov]. *M. Ju. Lermontov i ego Vremja v Mirovoj Nauke i Kul'ture: Materialy Mezhdunarodnoj Nauchnoj Lermontovskoj Konferencii. – Pjatigorsk: Pjatigorskij Gosudarstvennyj Universitet, 2017*, pp. 266–275.

41. Hrapunov N. I. «Vostok v Evrope»: Krym posle Prisoedinenija k Rossijskoj Imperii Glazami Inostrancev ["East in Europe": Crimea after Joining the Russian Empire through the Eyes of Foreigners]. *Novoe Proshloe – The New Past*, 2018, no 1, pp. 63–78.
42. Hrapunov N. I. *Krym mezhdu Zapadom i Vostokom v Zapiskah Britanskij Puteshestvennikov Konca XVIII – Nachala XIX v.* [Crimea between West and East in the Notes of British Travelers of the Late 18th – Early 19th Centuries]. *Vzgljad Chuzhezemca: Diplomaty, Publicisty, Uchenye-Puteshestvenniki mezhdu Vostokom i Zapadom v XVIII–XXI vv.* Moscow: Institut Slavjanovedenija RAN Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2020, pp. 81–100.
43. Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mihajlov M. L. *Vospominanija: V 2-h t.* [Memoirs in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ., 1967, vol.1, pp. 49–324.
44. Shenk B. Sh. *Mental'nye Karty: Konstruirovanie Geograficheskogo Prostranstva v Evrope ot Jepohi Prosveshhenija do nashih Dnej* [Mental Maps: Construction of Geographic Space in Europe from the Age of Enlightenment to the Present Day]. *Politicheskaja Nauka. Politicheskij Diskurs: Istorija i Sovremennye Issledovanija*, 2001, no. 4, pp. 4–17.
45. Juhnova I. S. *Vostochnyj Mir i «Vostochnye Stranstvija» Geroev v Sovremennoj Otechestvennoj Proze (Transformacija Klassicheskogo Sjuzheta)* [The Eastern World and the “Oriental Wanderings” of Heroes in Modern Domestic Prose (Transformation of a Classic Plot)]. «Svojo» i «Chuzhoe» v *Kul'ture: Materialy XI Mezhdunarodnoj Nauchnoj Konferencii*. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2017, pp. 130–132.
46. Juhnova I. S. *Oчерк «Kavkazec» v Kontekste Tvorchestva M. Ju. Lermontova* [Essay “Caucasian” in the Context of M. Yu. Lermontov's Work]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovanija*, 2015, no 1. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17118>. (accessed 7 December 2020).
47. Ancelot J.-A. *Six mois en Russie: lettres écrites à M. X.-B. Saintines en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur.* – Paris: Dondey-Dupré et fils, 1827. 426 p.
48. Corbet C. *L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris: Didier, 1967. 489 p.

49. Hugo V. *Les Châtiments*. Paris: J. Hetzel et Cie, 1970. 328 p.

50. Mérimée P. *Lettres à une autre inconnue*. Paris, 1875. 233 p.

51. Said E. W. *Orientalism*. London: Penguin, 2003. 396 p.

NORTH-EAST: RUSSIA ON THE "IMAGOLOGICAL MAP" OF FRENCH LITERATURE

Orekhov V. V.

The article examines the French literary ideas about Russia. The aim of the work is to determine the place of Russia on the French "imagological map" reflected in French literature of the 19th century. Analysis of the literary material allows us to conclude that on the French "imagological map" Russia was located outside of Europe (in the area of alien space), simultaneously occupied the North and the East and contained the attributes of the northern and eastern civilizational types. The "coordinates" of Russia on the French "imagological map" were mobile depending on the historical conjuncture. In an era of acute political confrontation, the image of Russia gravitated more towards the East and was filled with negative perceptions of "Asian savagery" traditional for Europeans. Russia in this capacity was seen as an antipode and a fatal enemy of European civilization. During periods of relative geopolitical stability, the "imagological coordinates" of Russia (especially in political discourse) "shifted" to the North, which partly neutralized civilizational contradictions. French literature of the 19th century constantly recorded the cultural movement of Russia towards the "imagological borders" of Europe. However, it was "infinite approximation". This movement was not able to eliminate the difference and contradictions between the European and Alien space, European and Alien civilization.

Keywords: imagology, national stereotype, imaginative geography, imagological map, mental map.